

Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович -зам. главного редактора журнала "Социологические исследования".

Постановка проблемы

Историческая социология - относительно и старая и новая социологическая дисциплина. "Старая" - потому что первые попытки ее осмысления и изучения делались более ста лет назад. Новая - потому что в нашей стране она по существу делает первые шаги. Непросто выявить специфику исторической социологии, как непросто найти соотношение между историей и социологией. Даже в публикациях, которые претендуют на право быть исторической социологией, нередки крайности. Одни авторы тяготеют к истории, отводят социологии инструментальное место, другие решают чисто социологические задачи и т.п. Это проявляется в характере статей в рубрике "Историческая социология", которая появилась в журнале "Социологические исследования" с мая 1998 г. Ситуация в этой отрасли социологического знания достаточно сложна и специфична. Для ответа на возникающие вопросы следует рассмотреть ряд основополагающих теоретических аспектов исторической социологии. Анализ генезиса комплекса этих проблем позволяет выявить пять (минимум) контекстов функционирования исторической социологии (далее - ИС) и выйти на вопрос ее обновления и укрепления статуса в рамках современной отечественной социологии.

Пять контекстов ИС

1. Исторический. За годы существования ИС сложилось множество точек зрения на ее специфику. Менялось отношение социологов к исторической науке: Конт определял социологию как историю без дат и имен; позднее имело место увлечение поиском законов истории; какое-то время исторические данные служили одним из главных источников информации для социологов, и т.д. Менялись научные дисциплины, в рамках которых велись исследования настоящего и прошлого общества. Появление не в столь отдаленном прошлом "социальной истории", активное использование в иссле-

дованиях историков социологических методов и техник, изменения представлений о взаимодействиях истории и социологии, - все это влияло на понимание предмета "историческая социология". Так, многолетнее использование методов социологии учеными школы "Анналов" (Франция) уточнило диапазон и пределы социологического анализа в практике историков (менталитеты, роль природной среды, гендер и др.).

2. Социологический. Обособление исторической социологии во времена М. Вебера и Э. Дюркгейма только начиналось: не было жесткого различия между социальными фактами и фактами историческими; собственно социологические методы исследования эмпирической реальности тогда только создавались; социологи широко использовали материал истории для формирования выводов - практически как решающий банк эмпирических данных. Но на этом этапе обнаружились зависимости между пониманием предмета социологии и разработкой проблем исторической социологии. Были попытки понять ее как философию истории, изучение законов (закономерностей) исторического процесса. Формировавшиеся отрасли социологического знания по-своему (и по-разному) относились к истории. Бурное развитие прикладной социологии снизило интерес к ИС, но в конце XX в. она стала признанной отраслью знания.

3. Общенаучный. Проблемы взаимоотношений социологии и истории затрагивали комплекс наук об обществе. Историческая социология причастна к спорам позитивистов с антипозитивистами, неокантианцами, "спорам о методе", о соотношении исторического метода с социологическим, о законах и закономерностях общественного развития. Общественные науки обогащались социологическими теориями, терминологией, техниками сбора эмпирического материала, измерений, методами анализа и синтеза. Уточнения специфики социологии как науки касались и ИС. Историческая социология причастна к спорам о классификации наук, о специфике знания об обществе, о "социальной науке", "исторической социальной науке", о новых научных дисциплинах (культурология, социальная антропология, этнология и др.).

4. Общественный. Социология (и ИС) меняли круг общественных функций. Социальная физика Конта служила исправлению язв, идеалам научного руководства обществом, а эволюционные теории социологии были в сущности своей историчны. М. Вебер исторической социологией называл социологию, обеспечивавшую историко-эмпирическое обоснование современных релевантных выводов [1]. Разные страны в разной степени реализовали возможности социологии (и смежных наук об обществе) влиять на общественные процессы. Подвиги в обществе, общественном сознании стимулируют переосмысление прошлого. В Англии и США в 1960-е гг. активно стали изучать социальные низы, массовые движения, позднее - гендерные аспекты истории. В Южной Африке потребовалось "переписывание" истории для преодоления идеологии апартеида. Даже с учетом отказа части социологов от позитивизма участие в делах общества, активная социальная роль остается спецификой социологии.

5. Российский контекст. Энтузиасты веры в законы истории, в возможность их использования обратились к исторической социологии в России во второй половине 19 в. В советское время значительная часть литературы (она показана в следующем разделе статьи), близкой к ИС или называемой авторами таковой, сложилась в условиях, когда ученые были вынуждены, прежде всего, выяснять отношения с истматом, истории с социологией, разяснять методы, пользу историко-социологического знания. До настоящего времени заметно наследие ограничений на интерпретацию исторического процесса, социологические и исторические исследования. Объем социологического освоения проблем нашей истории отечественной наукой и зарубежной пока не в пользу первой. Сохранились опасения "социологического империализма", "вульгарного социологизма"; не преодолен синдром репрессий против школы М.Н. Покровского. В трудах историков чаще всего используются отдельные методы социологии.

Для анализа реальной ситуации с историко-социологическим знанием (в современной России и за рубежом) создан банк данных о соответствующих публикациях. Его характеристика приведена ниже.

Банк данных "Историческая социология"

Число публикаций на русском и иностранных языках, с которыми была возможность познакомиться непосредственно и по ссылкам в научных публикациях, близко к тысяче. Некоторая часть вошедшей в банк данных литературы приведена в ранее публиковавшихся статьях в журнале "Социологические исследования" [2], что позволяет минимально сослаться на литературу. В банк данных включались а) труды, авторы которых отнесли их к жанру ИС; б) публикации в международном "Журнале исторической социологии"; их анализ опубликован в нашем журнале № 9 за 1999 г. (с. 101-106); в) статьи из историко-социологических рубрик "Социса"; г) труды, анализирующие соотношение истории и социологии и касающиеся в разной мере проблем исторической социологии; д) исторические работы с большим объемом социологических методов и информации, близкие к дисциплине ИС.

Дифференциация включенных в банк данных работ делалась по основанию - цель постановки и решения проблемы, которую автор рассматривает как историко-социологическую. По этому критерию выделены следующие группы такой литературы:

1. Попытки нормативного описания ИС как дисциплины. Так в отечественных справочных изданиях по социологии формулируется специфика ИС: а) изучение исторических процессов развития общества, б) изучение социальных систем, институтов и явлений, в) разработка социологических теорий исторического развития, г) методов анализа исторических данных, д) прикладные историко-социологические исследования [3]. Условно говоря, дифференциация осуществлена по целям и, укрупненно, по уровням (мета-, микро- и мезо-). Приводимые ниже данные такое описание дополняют.

2. Социологический ретроспективный анализ институтов, структур, ценностей и др. обществ прошлого; показ того, как социологическое знание применимо к прошлому, например, античность, что человеческому обществу присущи изначально определенные механизмы и процессы, что многие аспекты прошлого актуальны для современности. Типология подобных социологических этюдов показана в анализе публикаций в "Журнале исторической социологии". Те же сюжеты отражены в рубрике "Историческая социология" нашего журнала: социальные слои и группы, социальная мобильность, гендер, демография, государство, модернизация, институты, менталитеты, повседневность и т.п. [4]. Монография А.И. Черных о социальных институтах советского общества 20-х годов определяет целью исторической социологии "понимание повседневной жизни" ушедших поколений, - важная составляющая нашей собственной жизни [5, с. 19].

3. Построение теорий, концепций социологии на эмпирической базе исторического (и современного) материала. Здесь образцом являются труды классиков социологии на этапе становления и развития в конце XIX - начале XX вв. исторической социологии.

4. Историческую социологию как поиск общего (всеобщего) в историческом процессе рассматривали В.О. Ключевский - энтузиаст ИС, его многие ученики. Курсу истории России он ставил "социологические задачи", назвав историю подготовительной ступенью "научного здания социологии". Со временем, по его словам, из науки о том, как строилось человеческое общежитие - "и это будет торжеством исторической науки" - может выработаться общая социологическая часть ее - наука об общих законах человеческих обществ [6]. В этом же направлении шел П. Сорокин, анализируя циклы социально-исторического процесса (Социолог, исслед. 1998. № 12).

5. Концептуализация исторической социологии как теоретического поиска законов и закономерностей общественно-исторического процесса [7]. Э. Барнс понимал предмет ИС как "теорию социальной эволюции" от первобытности до современности [8]. В советских условиях подобные закономерности общественно-исторического процесса достаточно жестко сформулированы в теории исторического материализма. Частично эти труды нельзя отнести к ИС, если в них нет социологической специфики.

6. Историческая социология как метод исследования этнографических явлений [9]. Это часть наследия времен, когда только в этнографии (а также лингвистике) в какой-то мере разрешалось применять социологические методы.

7. Описание возможностей инструментального использования методов, техник, приемов социологии историком, показ, о чем писали Дюркгейм и другие, близости истории и социологии. В наших условиях это также пришло из времени, когда, прежде всего, приходилось (путем демонстрации на примерах) доказывать возможность использования социологии за пределами конкретных социальных исследований [10].

8. Компаративные историко-социологические исследования. Их объектом становились современные революции, судьбы крестьянства в модернизирующемся мире, модели модернизации на примерах нескольких стран и т.п. С помощью сравнений формулируются, проверяются, уточняются теории среднего уровня, метатеории. В последнее время стала объектом социологических сравнений, например, история СССР в рамках теории модернизации, индустриального общества [11].

9. Сопоставление социологических данных за достаточно продолжительный период времени, часто с определенными интервалами, позволяет выявлять тенденции, реально происходящие в социальных, межнациональных и других отношениях. В СССР - это исследование изменений в 30-е, затем 60-70-е годы в селе Копанка, этносоциологические исследования [12] и др. В Великобритании начиная с конца прошлого столетия с интервалом в десять лет проводилось исследование "Бедность в Йорке"; в США известность получили исследования Мидлтауна (среднего города).

10. С исторической социологией связано изучение исторического сознания, исторической памяти - своеобразное отражение в сознании и поведении людей исторического опыта народа, формировавшего реально функционирующие ценности, мотивы и др., - часть общественного сознания народа.

11. Характеристика крупных социологов, историков, этнографов и др. с точки зрения исторической социологии. Так, в учебном пособии "Историческая социология" [13], показаны соответствующие аспекты творчества Н. Данилевского, К. Леонтьева, О. Шпенглера, П. Сорокина, Л. Гумилева. Персоналии печатал международный "Журнал истории и исторической социологии".

12. Публикации источников по исторической социологии практиковала редакция "Журнала исторической социологии". В журнале "Исторический архив" опубликован журнал дежурных секретарей Сталина, демонстрирующий характерные черты стиля этого государственного деятеля. Такого же рода источники - справочник абонентов правительственной связи АТС-1 ("кремлевка"), справочники по историкам, социологам России, которые могут дать количественные и качественные характеристики названных групп и т.п.

13. Отдельно можно выделить источники в большей мере количественного социологического анализа - историко-статистические публикации.

14. Социологические исследования прошлых лет, в настоящее время ставшие источниками трудов по ИС. В особой мере это касается социологического знания, накопленного в России в досоветские времена и в первые 15 лет советской власти. Перечень таких публикаций достаточно велик и на русском и на иностранных языках [14]. Журнал "Социологические исследования" по возможности знакомит современников с этим наследием (например: *Исаев А.А.* Переселение русских крестьян; *Кравченко А.И.* Исследование А.А. Исаевым крестьянской миграции // Социолог, исслед., 1999, № 9). В своей массе эти материалы не введены в научный оборот. К сожалению, современные обществоведы в России слабо знают публикации, которые длительное время находились на специальном хранении, как, например, данные опросов учащихся в педологических журналах "На путях к новой школе", "Педология", "Народное просвещение"; интересны как социологические источники, ждущие интерпретации, губернские статистические издания 20-х гг., спутники активиста, отчеты к съездам Советов и т.п.

15. История современности (нового, или новейшего времени как эпохи) с опорой на социологическое освоение прошлого и с выходом на прогнозы общественного развития. Пример здесь работы И. Вальерстайна [15].

16. Выделяются историко-социологические труды, цель которых - идеологические (ненаучные) задачи. Характерная черта таких трудов - под заранее взятую автором схему (грядущей мировой революции и т.п. [16]) подбираются факты.

Можно заметить, что группировка публикаций по исторической социологии достаточно условна и не завершена; в ней, например, не выделены работы, рассматривающие взаимосвязи, взаимодействия истории и социологии. Но банк данных - при всей условности выделения его составляющих - расширил понимание типологии задач, решаемых в трудах жанра ИС. Разные грани показанных выше подходов, осуществившихся в рамках индивидуально трактуемой ИС, многоликость функций, целей трудов по ИС отражают практику постановки и решения широкого круга задач. Вместе с тем, очевидно, часть из охваченных нашим банком данных публикаций могут не рассматриваться как часть ИС, поскольку носят характер инструментальный, вспомогательный, находится на периферии социологического знания или вне его. На наш взгляд общеисторические, социальные закономерности, - тема отдельного разговора.

Прошлое, настоящее, будущее - объект исторической социологии

Наиболее близки проблемам нового в социологической теории и практике (в применении к современной России) позиции 2, 3,4, 8, 15; социологический ретроспективный анализ институтов, структур, ценностей прошлого; показ того, как аспекты прошлого связаны с актуальными современными проблемами, оказываются составной частью нашей жизни; построение теорий, концепций социологии на эмпирической базе исторического (и современного) материала; компаративные историко-социологические исследования, в которых формулируются, проверяются, уточняются теории среднего уровня, метатеории; история современности как эпохи, опирающаяся на социологическое освоение прошлого и делающая прогнозы общественного развития. То есть, в контексте постановки проблем данной статьи, выделены связи прошлого с настоящим, а также прогнозированием будущего а) непосредственно или б) через обобщающие концепции, теории, по своей научной природе имеющие элемент "загляда" в будущее.

Историко-социологическое знание прошлого для российской современности важно как а) (не-)пригодное наследие; б) исходная точка для движения вперед; в) фундамент, опора такого движения; г) теоретическое (социологическое) осмысление итогов и уроков прошлого и др. Историко-социологическое знание прошлого России и СССР (ограничимся XIX и XX вв.) может служить обновлению отечественной социологической теории и практики, обеспечивая достоверный анализ прошлого, настоящего и будущего.

В письме Г.Е. Зборовского (Екатеринбург) в "Социологические исследования" выделена одна из наиболее значимых проблем современной отечественной социологии: "...Неудовлетворенность ее состоянием часто обусловлена именно тем, что социологи не умеют (часто не хотят уметь) или не пытаются прогнозировать развитие социальных процессов, даже конкретных социальных ситуаций" (1999, № 6, с. 101). Дополняя аргументацию автора, отметим, что корректное знание о современности, проекция его на формирующиеся тенденции будущего невозможны без опоры на историческую основу. Прошлое как состоявшийся социальный факт - доминанта настоящего и будущего. Прошлое - это знание о том, как возникло общественное явление, через какие этапы прошло и как приобрело современный вид. На его основе раскрываются смысл и значение настоящего, альтернативные потенции будущего, строятся мысленные (теоретические) конструкции, служащие руководством для исследующего.

В последние 10-15 лет в нашей стране регулярно случаются неожиданные для общества, руководства страны, для ученых события. Ответ на вопрос о причинах неожиданностей дают наука или практика; последняя чаще запаздывает. Одна из причин такого положения, на наш взгляд, фрагментарность знания о современном обществе вследствие малой изученности советского общества во взаимосвязи с постсоветским настоящим.

"Формула Андропова" действует

Мы не знаем общества, в котором живем, — констатировал Ю.В. Андропов около 20 лет назад (1983 г.). Эта оценка знания советского общества на завершающем этапе его исторической траектории могла предупреждать политиков: управлять объектом, не зная его, равноценно плаванию по бурному морю без компаса и руля. По необходимости беглый анализ изученности (на тот момент) истории СССР в нашей стране и за рубежом позволяет предметнее раскрыть природу и следствия (для социологии) обозначенного "формулой Андропова" разрыва прошлого, настоящего и будущего. В теоретико-методологическом плане в обществоведческой мысли СССР (я упрощаю ситуацию, говоря о доминировавших взглядах, определявших общественное сознание и поведение большинства) господствовала догма о движении советского общества и всего мира к социализму и коммунизму. В сфере идеологии и политики аксиома социалистической природы советского общества вела к оценкам реального с точки зрения норм должного при социализме: социалистические классы, государство всего народа, отмирающее в перспективе, дружба народов, новая историческая общность - советский народ, превосходство социалистической общественной, государственной, экономической системы над противостоящей ей, социалистический образ жизни и др. Данные, не укладывавшиеся в схему, архивировались с тщательностью, исключавшей их попадание в руки исследователей. Жесткая опека над исследованиями социологов, возобновленными в 60-е гг., имела целью хранить рамки идеологически допустимого.

В капиталистическом зарубежье взгляды были более дифференцированы. Их - тоже упрощенно - можно свести к трем позициям (они были перенесены и дискурс постсоветских обществ). Примерно равной силы позиции занимали оценки социалистического лагеря с позиций а) доктрины тоталитаризма и б) теории модернизации. Они не во многом расходились, но и не во всем исключали друг друга. Третью группу взглядов представляли сторонники (не излолированные от приверженцев тоталитарных подходов или теории модернизации) неомарксистских оценок, интеграции которых в доминировавшие взгляды препятствовал их марксистский аппарат. В оценках перспектив зарубежная мысль делилась на тех, кто или предрекал "кумулятивный кризис" советской системы (в частности, "после Брежнева"), или считал возможным реформирование ее. Распад СССР советологи едва ли считали альтернативой до начала 1990-х гг.

Для обновления социологии, однако, важно, что на исходе советской эпохи научное знание о советском обществе с теоретической и информационно-фактической точек зрения выражалось метафорами "белое пятно", "черная дыра". "Развитой социализм", "ускорение", "перестройка" отражали размашистость выдвигавшихся планов ускоренного движения вперед, непонимание реальных условий среды, в которой эти действия намечались к проведению. Поспешный пересмотр ряда позиций после 1989 г., некоторые осторожно сформулированные обновленные подходы оказались не востребованными. Возобладало "незнание", о котором предупреждал Андропов, - мнения, убеждения сомнительной достоверности. Началось вторжение через СМИ в общественное сознание метафор и мыслей, вращавшихся вокруг бездумно повторяемых, часто компенсированных агрессивностью формул типа "элиты", "тоталитаризм", "реформы", "обновление", "Россия, которую мы потеряли" и т.п. В дальнейшем негативным социальным фактором стала легковесная пропаганда в СМИ сенсационных субъективистских концепций, - сродни "ледоколу" В. Суворова. Таких примеров, к сожалению, слишком много. В условиях нарастающей роли электронных средств информации, Интернета,

резко повысилась степень манипулирования историческим знанием. Создалась перспектива вталкивания крупных социальных слоев в виртуальное сознание, дезориентированное поведение. Корпорация историков не консолидирована, затруднено оформление консенсуса взглядов на последние десятилетия 20-го века в СССР и вокруг него, а затем в России.

Социологам ясна важность социальных фактов. Редакция журнала "Социологические исследования", когда либерализация доступа к ранее секретным архивам породила "архивную лихорадку", создала рубрику "Архивы начинают говорить". Публиковались важные для понимания социальной структуры, процессов советского времени с научными комментариями материалы об особенностях менталитета, поведения социальных групп [17], облике и мотивациях руководящего слоя СССР, аналитические данные о депортациях этнических и социальных групп, массовых репрессиях, перемещенных лицах [18]. Но ответ на вопрос "что?" (установление факта) переходит в вопросы "как?", "почему?". Сменившая ее рубрика "Историческая социология" пытается на них отвечать. Редакция журнала привлекает внимание к монографическим исследованиям о прошлом России и СССР, в которых есть попытки выявлять социологически важную проблематику [19]. Понимание недавнего прошлого, однако, далеко от потребностей. Осмысливание актуальной проблематики российской истории, к сожалению, удел малотиражных изданий. Современным исследователям российского общества трудно сделать прошлое доступным, понятным, используемым, учитываемым в актуальной практической деятельности. Трудность эта предметна.

Повестка дня, или Чего мы не знаем?

Едва ли целесообразно разбирать меру исследованности конкретных событий или этапов истории России. Социологу важен весь релевантный исторический материал для анализа современности, сравнения тенденций, специфических для России и характерных для других стран, проверки "больших" теорий. Между тем, в последние годы по отечественной истории относительно мало исследований второй половины XX в.; робко ставятся общие вопросы исторического процесса в России.

Социологическая актуальность нашего прошлого очевидна. Мало исследованными, полными парадоксов остаются институты — опоры советского строя, активные и теперь - в измененных видах. Это партия, не противодействовавшая собственному запрету. Силловые ведомства, вначале ключевые в реализации установки на мировую революцию, затем стали ключевыми по доле расходов и во все большей, но неясной мере, по влиянию в политике; не исследованы их "интеракции". Не выяснены эволюция института "союзная республика" (специально - РСФСР, ключевого звена Союза). Парадокс института "колхоз": насильно, казалось, навязанный, всеми проклятый, он устоял, даже в Украине, особенно пострадавшей во время голода 30-х гг. Коминтерн - орган мировой революции, вырождается в малозначимый инструмент советской внешней и военной политики, сохранившись как миф о мировом революционном процессе.

Среди социальных проблем слабо проанализирована урбанизация с ее ощутимыми сейчас последствиями. Рабочие, в массе вчерашние крестьяне, резерв и опора партии, не поддержали в августе 1991 г. КПСС; крестьянство стало основой "красного пояса". Дискутируемая проблема современной элиты требует уточнить исходный материал советского времени: "новый класс", "номенклатура", "бюрократия". Истоки гендерных или этносоциологических проблем, характер и особенности (типология) этноконфликтов частью уходят в советский период. Динамика девиантного поведения, криминальности и коррупции частично коренится в повседневном беспорядке, низком правосознании, грубых нарушениях законности и смыкании частного ("прото-бизнесмена") с криминалом в "тюремных университетах". Попутно подчеркнем, что проблемы преступности и коррупции в современной России понять без историко-социологического знания трудно. Ситуацию здесь часто сравнивают со средневековьем. И в этом

сравнении истины больше, чем подозревают говорящие об этом. Как показывает анализ феномена силового предпринимательства (см. статью В.В. Волкова в № 1 за 1999 г. нашего журнала), круг задач создания рыночной экономики, который стоит сейчас перед Россией, должен был решаться в средние века. Поскольку они не были решены, их решать приходится - с сопровождающими начальный период становления рынка явлениями.

Среди историко-социологических проблем экономической сферы важен вопрос вознаграждения за труд. Функция зарплаты в России и СССР была деформирована: работник не получал регламентированной и понятной части созданной стоимости. "Жалованное" сверху в сознании и поведении работника не связывалось с количеством и качеством труда, подрывая трудовую мотивацию, отношение к труду, трудовую мораль, обратной стороной стала популярная ныне "халява". Вероятно, в массовом сознании предприимчивость, интенсивный труд наталкиваются на укоренившийся ментальный барьер отсутствия связи качественного личного труда с вознаграждением и уровнем жизни. В духовной сфере (наряду с последствиями войн и лишений) не изучены метаморфозы патриотизма, его взаимодействие с национальным, этническим, интернациональным. Даже не поставлены как предмет исследования человеческие последствия и аспекты Великой Отечественной войны, потеря и лишения, - массовое одиночество женщин, сиротство, безрадостное существование пожилых, переживших утрату детей.

Это некоторые вопросы из сферы "что?". Что касается "как?" и "почему?", предстоит посмотреть на историю СССР в сравнительном плане (применимы они или нет) ряда социологических, обществоведческих теорий. Структурно-функциональный анализ советской системы властвования вероятно, подтвердит малую применимость формул Парсонса к процессам перемен. Взгляды Дюркгейма на интеграцию и солидарность в индустриальном обществе в определенных пределах плодотворны и в применении к судьбе советской системы. Коммуникационная теория общества и власти (Н. Луман и др.) может обнаружить отсутствие в СССР ключевого элемента современной жизнеспособной политической системы. Разрывы "коммуникации" между властью и народом, обществом, интеллигенцией, случавшиеся в уходящем столетии, несут и более общий урок. Тип взаимоотношений общества и государства в России пора менять, он не может сохраняться прежним. Власть, в соответствии с Конституцией РФ и по природе - публичный институт, институт общества. Может быть, это главный социологический урок социальной, политической, военной, экономической, духовной и иной истории страны в XX в. Наконец, на это указывают некоторые публикации социологов о грядущих глобальных переменях, возможно, актуальными в обновленном виде будут идеи социализма, интернационализма.

В несколько ином ракурсе проблемы ИС возвращают современника к тем классикам социологии, кто ратовал за сближение истории и социологии. Между социологией и историей существует некая диалектическая взаимосвязь: многообразие подходов к ИС, возможностей ее использования связано с конкретным пониманием социологии как науки. "Разным социологиям" соответствует разная ИС. Возможно, специализация, дифференциация научных дисциплин уходит в прошлое: информационная революция делает сбор эмпирических данных на порядок доступнее, чем сейчас; взаимоотношения некоторых общественных дисциплин могут перейти в плоскость формирования "социальной науки" о прошлом, настоящем, будущем общества.

Заключение

Историческая социология России прошлого позволяет выйти на более глубокие пласты современных проблем. Так, Октябрь 1917 года (казалось бы, какой период нашей истории исследован лучше?) можно считать попыткой большевистских лидеров "забежать" вперед (см. статью А.П. Бутенко в № 6 за 1999 г. нашего журнала) при отсутствии предпосылок социализма. Но "забегание" могло стать и результатом

просчета в отношении мировой (европейской) революции, или уже начинавшуюся европейскую революцию (Германия) остановил эффект (среди других факторов) опыта социалистической революции в России, оттолкнув пролетариат Европы от попытки взятия власти.

Революции 1917 г. могли быть также проявлением глубинного фактора российской истории XX века: стремление низов (подавляющего большинства) к выживанию. В статье А.В. Посадского "Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития" (Социолог, исслед. 2000, № 4) этот мотив показан как доминанта сознания и поведения крестьян Саратовщины (представительной для крестьян Европейской России) после реформы 1861 г. Не был решен продовольственный вопрос [20]. Инстинкт выживания был усилен опытом окопников мировой войны (решающий фактор революций 1917 г.). Война поражала масштабами миллионных жертв. Низы крупных городов также встали перед проблемой выживания — голода (очереди за хлебом — "локус" движения за свержение царизма).

Но 1917 годом этот вопрос не ограничивается. Установку россиян на выживание укрепили: гражданская война (с интервенцией), последствия насильственной коллективизации, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенный голод. Сколько написано историками о Великой Отечественной войне? Лишь сейчас складывается консенсус о числе людских потерь в эту войну: 26-29 млн. (См. статью Л.Л. Рыбаковского в данном номере журнала). Но кто исследовал психологическое воздействие войны, ее последствий, воздействия на социальные слои и группы населения СССР - женщин, детей, фронтовиков, стариков и т.д.? Даже социально-демографический состав этих миллионов погибших пока неизвестен. "Холодная война", угроза ядерной катастрофы, Карибский кризис, противостояние с НАТО, "Афган" и Чечня способствовали поддержанию инстинкта выживания (знаменитое: "лишь бы не было войны"). Выживание как доминанта истории России в XX веке, запечатленная в менталитете, и сейчас удивляет аналитиков. Способность россиян не роптать в годы "реформ", их социальный оптимизм, традиция веры в "лучшее завтра" подчеркнуты в статье С.Ф. Гребениченко "Куда и почему идет Россия?" (Социол. исслед. 1999, № 7. С. 35).

Как фактор перехода на путь "устойчивого развития" такой менталитет, можно утверждать, содержит элементы будущего и России, и регионов, где выживание или давнее прошлое (Европа, Северная Америка, Япония, Австралия, Новая Зеландия) или обычная повседневность. Стремление к выживанию, можно утверждать, сродни солидарности. Оно уходит в первобытное (примордиалистское) сознание (даже подсознание) людей. Это обстоятельство, заметим, указывает на близость социологии к "метафизике" бытия, в том смысле, о котором писал в нашем журнале украинский исследователь творчества Ф.М. Достоевского (№ 4 за 2000 год). Социологам многое можно обсуждать в предмете своей дисциплины - "человек живой", его жизнь. Социологическая наука, не раз писал главный редактор журнала "Социологические исследования" Ж.Т. Тощенко (напр., Социол. исслед. 2000, № 2) - это социология жизни. Выделенный мной аспект ИС говорит в пользу такого взгляда на социологическое знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Weis J. Max Webers Grundlegung der Soziologie. München u.a. 1992. S. 94.
2. Тощенко Ж.Т. Историческая память и социология; Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социол. исслед. 1998. № 5.
3. Энциклопедический социологический словарь. М. 1995. С. 716-717 - перепечатка из ранее изданного справочника по западной социологии, а также реферативного обзора **ИНИОН** РАН. Автор этих работ В.В. Кудинов.
4. Галкин Е.Б. Некоторые историко-социальные черты российской монархии // Социол. исслед. 1998. № 5; Герасимов Г.И. Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919-1941 гг. // Там же. 1999. № 8; Орлов И.Б., Лившин А.Я. Социологический анализ "писем во власть" (1920-е годы) // Там же. 1999.

- № 2; *Окорочкова Т.С.* Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Там же. 1999. № 9; и др.
5. *Черных А.И.* Становление России Советской: 20-е годы в зеркале социологии. М. 1998.
6. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 5, 9, 15.
7. *Ельчиных В.А.* История и социология. Уч. пособие. Барнаул 1992; *Бобров М.Я.* Законы исторической социологии и методы их исследования. Барнаул. 1999; *Иванов В.В.* Введение в методологию социологии. К проблеме соотношения методологии и методики в социологии науки. Казань. 1997; *Он же.* Методологические основы исторического познания: Учебное пособие по исторической социологии. Казань. 1999; *Он же.* Введение в методологию социологии. Казань. 1999; и др.
8. *Barnes H.E.* Historical sociology: its origins and development. Theories of social evolution from cave life to atomic bombing, NY, 1948.
9. *Лащук Л.П.* Введение в историческую социологию. М., 1977.
10. *Громыко М.М.* О некоторых задачах исторической социологии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 3. № 11. С. 115-120; *Дробижева Л.М.* История и социология. М. 1971; *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л. Наука. 1981; и др.
11. *Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth. 1977; *Skocpol T.* States and social revolutions. A comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge. 1979; *Rimlinger G.V.* Welfare policy and industrialization in Europe, America, and Russia. NY., 1971; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М.: Политиздат. 1989; *Вишневский А.Г.* Серп и рубль? Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ. 1998; *Хакамада С.* Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа России и Японии // Социол. исслед. 1999. № 4; *Островски К., Тюни Г.* Три политические культуры в Европе // Там же. 1998. № 2; и др.
12. Копанка 25 лет спустя. М., 1965; *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социол. исслед. 2000. № 4.
13. *Афанасьев В.В.* Историческая социология. Барнаул, 1995.
14. *Зингер Л.* Национальный состав пролетариата в СССР. М, 1934; *Авдеев Н* Трудовые конфликты в СССР. М., 1928; *Феноменов М.Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Чч. 1-2. М., 1925; Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л. - М, 1926; *Гагарин А.* Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починской волости Смоленской губернии). М. -Л., 1925; *Росницкий Н.* Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М. - Л.. 1926; *Мурин В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926; и др.
15. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистический мир - экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5; а также изданный ИНИОН РАН реферативный сборник под ред. А.И. Фурсова "Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна" (М.. 1998).
16. *Kilian H.* Der politische Mord. Zu seiner Soziologie. Zurich, 1936; *Monnerot J.* Sociologie de la revolution. P., 1969; и др.
17. *Панкратова М.Г.* Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995; *Козлова Н.Н.* Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социол. исслед. 1994. № 4; *Она же.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.. 1996; *Она же.* "Повесть о жизни с Алешей Паустовским": социологическое переписывание // Социол. исслед. 1999. № 5; и др.
18. *Шевяков А. А.* Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социол. исслед. 1991. № 12; *Он же.* Жертвы среди мирного населения в годы Великой Отечественной войны // Социол. исслед. 1992. № 11; *Попов В.П.* Причины сокращения населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социол. исслед. 1994. № 10; *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический очерк) // Социол. исслед. 1991. № 6; *Он же.* Заключенные в 30-е годы (демографический аспект) // Социол. исслед. 1996. № 7; и др.
19. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., РГГУ. В двух томах 1997. Г. 1; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти (1945-1991). М., 1999. 736 с; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). В двух томах. СПб.. 1999.
20. *Белоусов Р.А.* Экономическая история России: XX век. Книга I. На рубеже двух столетий. М., 1999.